

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

С НОВЫМ ВЗГЛЯДОМ
НА КОЛЛИЗИИ СИРИЙСКОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ЯНТАРНАЯ КАМЕРА

Президентский спецназ: новый Афган

Александр Тамоников

Янтарная камера

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Янтарная камера / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Президентский спецназ: новый Афган)

ISBN 978-5-699-95509-1

На территории сопредельного с Россией государства идет необъявленная война с бандформированиями экстремистов. В бандитские силовые структуры под видом работника штаба тайно внедрен майор ГРУ Алексей Кузнецов. Но предатель выдает разведчика врагу. Алексей попадает в засаду и оказывается в концлагере, контингент которого работает на местную янтарную мафию. Сбежать из лагеря, как утверждает охрана, невозможно. Но вот только у опытного майора спецназа другое мнение на этот счет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95509-1

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Тамоников

Янтарная камера

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

© Тамоников А.А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Суматоха в аэропорту «Северный», расположенном в поселке Калашовка, началась под вечер 20 октября, после бурного, но непродолжительного ливня. После дождика в четверг, как впоследствии пошутил один из участников событий. Кудлатая туча, отбомбившись, поплыла на юго-восток, к Донецку. По прямой до столицы республики было семьдесят верст. В воздухе осталась липкая изморось. Потоки воды хлестали по водоотводным канавам.

На посадку заходил старенький Ан-24 с грузом продовольствия и медикаментов. В этот момент диверсанты и взорвали участок взлетно-посадочной полосы в трехстах метрах от художочной диспетчерской башни. Грохнуло мощно, бетон разлетелся далеко и красиво.

Заряд был заложен еще до дождя, подорван с пульта ДУ. Но время диверсанты точно не рассчитали. Им не хватило опыта и выдержки.

– Посадку запрещаю, у нас диверсия! – взволнованно выводил диспетчер.

Самолет снизился до упора, но шасси еще не коснулись полосы. Пилот машинально потянул рычаг на себя, и взрыв расцвел у него под носом. Самолет резко взмыл, качая крыльями, как бы приветствуя весь этот вселенский бардак.

– Башня, где садиться? Что у вас происходит? – иступленно заорал второй пилот, молодой парень, еще не привыкший к таким кульбитам.

Но его вопросы определенно имели смысл. Горючее-то кончалось!

– Следуйте в Нахимов, там летное поле, дотянете! – успел дать дельный совет диспетчер, и его речь оборвалась.

Второй взрыв прогремел через двадцать секунд после первого. Кумулятивная граната, выпущенная из РПГ-7, ударила в здание. Башня замолчала, черный дым повалил из выбитых окон.

В двухэтажном здании аэропорта ударили еще два взрыва, и диверсанты в серых комбинезонах пошли на штурм. Их было не меньше дюжины, и намерения они имели самые решительные. Боевики вырастали из травы, бежали к строениям аэропорта, к взорванной вышке. Несколько человек бросились в приземистый ангар. Они швыряли гранаты в окна, поливали все, что видели, огнем из РПК.

Подобной дерзости от украинских военных никто не ожидал. До линии разграничения было шестьдесят километров.

Аэропорт выполнял сугубо гражданские функции. Военный аэродром располагался в Нахимове, гораздо южнее, и охранялся соответственно. Сюда доставлялись грузы для населения тридцатитысячного промышленного городка, гуманитарная помощь, изредка садились чартерные рейсы с пассажирами. Ан-24, чудом избежавший катастрофы, был единственным бортом на сегодня.

Водитель грузовой фуры забрался на подножку своей машины, распахнул дверцу и повалился с раскроенным черепом. Несколько человек, включая смену грузчиков, успели выскочить через заднюю дверь и кинулись в поле, благодаря чему и уцелели.

Им повезло, диверсанты действовали жестко, живых не оставляли. Целый день они шли по приграничным лесам, тащили на себе оружие, взрывчатку, попали под дождь, были злы и взвинчены.

В аэропорту творилось что-то адское. А ведь люди тут успели позабыть, что такое война. Гремели взрывы, металась фигуры в серых комбинезонах.

Еще одно прямое попадание в диспетчерскую вышку подкосило хлипкое сооружение, оно стало оседать. Польшал ангар, в котором стояли неисправные кукурузники. Горели грузовики на аэродромном поле, густо чадил автозаправщик.

Разъяренные диверсанты ворвались в здание, носились по помещениям, забрасывали их гранатами. Зал прилета заволокло прогорклым дымом. Взрывались газовые баллоны, завезенные для отопления помещений.

Охранники, вооруженные пистолетами, успели дать по паре выстрелов. Потом их нащиповали пулями. Те, кто замешкался, пытались спастись бегством. Двум это удалось, остальных расстреляли во дворе из окон.

Крепкий диверсант со щеточкой рыжих усов с хохотом вытаскивал за ногу из-под рухнувшей стойки работницу аэропорта. Женщина средних лет умирала от страха, кричала от боли. У нее были сломаны ребра. Она умоляла не стрелять. Двое детей, муж погиб на войне, с трудом, по большому знакомству устроилась на эту работу...

– Жри, сучка московская! – заявил рыжеусый тип, разряжая в нее магазин.

Потом он бросил гранату в проем с лентой конвейера, с удовольствием обозрел развороченный рольганг, побежал дальше, наводить конституционный порядок на временно оккупированной территории.

За несколько минут здание аэровокзала превратилось в руины. Таким оно и было полтора года назад. Горела наспех приклеенная облицовка, распространяя удушливый смрад. Плавился и осыпался потолок, падали балки перекрытий. Частично уцелело только южное крыло здания. Там ремонт еще не проводился, оно не использовалось.

Диверсанты безупречно справились с задачей, уничтожили важный транспортный объект на территории, занятой противником.

В эфире прозвучал приказ:

– Валим, хлопцы, все сделано!

Минировать было нечего, да и незачем – все горело. Диверсанты покидали разгромленный объект, запинаясь о тела и разрушенные конструкции. Пострадавших среди них не было.

Командир РДГ, подтянутый белобрысый офицер, едва разменявший третий десяток, самодовольно докладывал по станции спутниковой связи:

– Задание выполнено, уходим.

Лесной массив тянулся западнее аэропорта на многие километры, в нем можно было спрятать целую дивизию. Но диверсанты домой не вернулись.

В Калашовке располагался штаб бригады специального назначения Министерства обороны ДНР. Ее полгода назад отвели от границы, рассредоточили по окрестным селам. Две роты и охрана стояли в Калашовке.

Сигнал поступил оперативно, с борта едва не разбившегося Ан-24. Второй пилот орал так, что дрожало все Северное полушарие.

Два грузовика с ополченцами оказались на опушке через десять минут. Ровно столько им потребовалось, чтобы примчаться из Пырино. В это время диверсанты еще орудовали на объекте. Бойцы рассредоточивались.

Из Калашовки прибыл микроавтобус с бойцами комендантского взвода. Их было человек девять. Они разбежались, заняли позиции на восточных подступах к полю, ждали указаний.

Отходящих диверсантов встретил прицельный огонь со стороны леса. Трое упали замертво, остальные залегли, стали отползать, изрыгая свинец и проклятья в адрес ненавистных сепаратистов. Белобрысый командир что-то яростно выкрикивал в рацию. Его подчиненные пятились, вели ожесточенный огонь. Попытки прорваться в других направлениях тоже успеха не возымели.

– Слава Украине! – орал диверсанты, попавшие в ловушку. – Смерть врагам! Сдохните, твари!

Их командир, невзирая на молодость, имел боевой опыт. Он собрал подчиненных в ударный кулак в районе искореженного кукурузника. Диверсанты пошли на прорыв, швыряя гра-

наты. Они возникали из клубов густого дыма, страшные, оружие, в перепачканных комбинезонах, бежали, катились кубарем, снова вскакивали.

Группа состояла из отъявленных фанатиков, самых настоящих, непримиримых украинцев, свято верящих в свое превосходство и ничтожность врага. Парни не учли то обстоятельство, что против них работает спецназ. Простое оцепление они пробили и расшвыряли бы. Но не этих людей.

Грузовик стоял на примыкающей дороге, развернувшись задним бортом. С него разразился судорожным лаем крупнокалиберный пулемет. Трех порвало в клочья и разбросало. Остальные стали беспорядочно отступать, искали спасение в дыму.

Командир уцелел. У него хватило ума не корчить из себя героя.

Он кричал, срывая голос:

– Все назад, в здание! Занять круговую оборону!

Вопрос со сдачей в плен как-то не рассматривался. Да и правильно, кто бы стал их брать?

Диверсанты занимали оборону в западном крыле. Оно почти не горело, и туда еще не добрался удушающий дым. Уцелели семеро. Они вбежали в здание, рассредоточились по этажам.

Ополченцы замкнули кольцо вокруг летного поля, сужали его. Грузовики подбирались все ближе. Пулеметчики крушили оконные проемы, разбивали кладку, мешали диверсантам вести огонь. Гранаты к РПГ у них иссякли, осталось стрелковое оружие. Но ополченцы не спешили в атаку, сообразили, что потери ни к чему.

Ми-8 вынырнул из-за тучи, камнем кинулся вниз, но не разбился. Пилот был опытный, хотя и любитель быстрой езды. Вертолет резко замедлился, покачался и приземлился.

Группа спецназовцев в количестве пяти человек высадилась из него за несколько секунд. Экипировка у них была не полной, но достаточной для ведения боя. Шлемы, бронежилеты, теплое защитное облачение. Вооружение штатное. У каждого АКС с пятью запасными магазинами, гранаты, нож, пистолет.

Помог случай. Группа под командованием капитана Алексея Корнилова, заместителя начальника охраны штаба бригады, возвращалась из Рубцовки, куда сопровождала ценный груз. В командировке оружие не пригодилось, зато сейчас оказалось кстати.

Сигнал о ЧП в аэропорту они получили, когда проходили границу двух непризнанных республик. Голос начальника штаба бригады подполковника Былинского дрожал от волнения.

– Мы немедленно летим туда, товарищ подполковник, – отозвался Корнилов. – Без нас никакого штурма, оцепить и ждать. Разберемся на месте. Сообщите капитану Невельскому, чтобы его люди не вздумали по нам стрелять.

Капитан приказал пилоту менять курс.

К моменту высадки спецназа на месте боя стояло затишье. Дым немного развеялся, руины аэропорта предстали во всей красе.

Капитан Корнилов – мрачноватый, осанистый, с правильными чертами лица, отметивший на днях собственное тридцатипятилетие – отдавал лаконичные приказы осипшим голосом. Надо же простыть в неподходящее время. Хорошо, что кашель уже не рвал на части.

– Жлобин, Колесник – слева! Гаспарян, Мережко – справа! Под пули не лезть!

Осажденное здание находилось за длинным барачным строением, бывшими аэродромными складами. В эфире уже что-то бубнил капитан Невельский, бойцы которого лежали в оцеплении.

– Капитан, это Корнилов, – перебил его Алексей. – Давайте зеленый свет. Отводи своих бойцов. Кратко сообщи обстановку. Сколько гадов в здании, вооружение, настроение, есть ли заложники?

Он впитывал информацию в движении, следя за парнями. Гадов семеро, насчет заложников и настроения неизвестно. Боеприпасы у поганцев на исходе, поскольку переводили они их весьма расточительно.

Люди Невельского безропотно отползали, открывали дорогу крутым специалистам.

Кто-то пошучивал:

– Давай, братва. Мы половину дела за вас сделали.

Пустырь перед складами был завален строительным хламом, металлоломом. Ремонтники не вывезли его и правильно сделали.

– Хватит, мужики, тормозим, – буркнул в микрофон Корнилов. – Лежите, не высывайтесь.

– Командир, да тут еще семь трамвайных остановок, – вяло запротестовал молодой черноволосый Рудик Гаспарян.

– Лежать, я сказал. Ждать.

Корнилов служил в бригаде меньше месяца, попал в нее после отпуска по ранению. Но он быстро влился в коллектив, стал своим. Капитан подобрал себе группу, назначил любимчиков и бросал их на самую ответственную работу, которой руководил лично.

Сейчас они зарывались в мусор. Алексей лежал за углом складского комплекса, подтянув к себе автомат. Ему не в диковинку было любоваться пейзажем через прорезь прицела.

Справа за штабелями пустых коробок вил себе гнездышко Гаспарян. Парень тоже недавно в части. Этот балагур, острый на язык, с обязанностями своими вполне справлялся, хотя и любил обсуждать приказы вышестоящего начальства.

Позади Гаспаряна, за горой металлолома возлежал Жлобин. Он из местных, бывший мент, имеющий принципиальные разногласия с киевской хунтой. Жилистый, прямодушный, катастрофически облысевший в свои тридцать восемь.

Из осажденного здания простучала автоматная очередь, сорвала огрызок брезента со штабелей. Парни проигнорировали ее. Молодцы.

Он покосился влево. Бородатый Колесник перетирал челюстями, похожими на акульки, жевательную резинку, боролся с зевотой. Сонливость сразила его еще в вертолете.

Невысокий Мережко с удобством поместился за остовом догорающей фуры. Ветер дул в противоположную сторону. Наличие под боком мертвого работника аэропорта бойца не смущало. Насмотрелся за годы противостояния.

Южное крыло – фактически отдельное здание – сохранилось довольно неплохо. Разбитые проемы, дыры в стенах, но могло быть и хуже. Некоторые окна дымили, но огонь там сильно не разгорался.

Временами в проемах что-то мелькало, раздражались вспышки. Перемещения спецназа не остались незамеченными, но полного понимания ситуации у диверсантов не было. Иногда из здания доносилась ругань, там что-то падало.

«Настроение у них не приподнятое», – констатировал Алексей.

Он всматривался в очертания окон, плавающие в разреженном дыму. План здания не требовался, все было знакомо.

Две недели назад поступил сигнал о минировании аэропорта. Спецназ с саперами обшаривали его вдоль и поперек. Взрывчатку не нашли, но кругозор расширили.

– И что все это значит, командир? – прозвучал в ухе капитана потрескивающий голос Жлобина.

– Суки! – выругался Мережко. – Они там человек десять поубивали, не меньше. И все штатские. Странно как-то, Алексей. Они напали на гражданский аэропорт. На хрена, спрашивается?

Алексей поправил микрофон, чтобы не стучал по скуле, и проговорил:

– А это единственный гражданский аэропорт в радиусе сотни верст. Недавно в строй ввели, запустили, удобно людям стало, с доставкой грузов меньше проблем. Массу денег вбухали в ремонт. – Он закашлялся, уткнулся носом в землю.

– Проклятые рудники, – прокомментировал Гаспарян. – Слушай, командир, ты не напрягался бы. Мы тебя и по мычанию пойдем.

Циничные люди! Повсюду трупы, руины, а их хлебом не корми...

– Что делать-то, командир? – ворчал Жлобин. – Не май месяц, согреться надо.

– Лежать, я сказал. На тот свет спешим?

Алексей оценивал расстояние до здания. Пятнадцать секунд нормального бега. Под навесом – слепая зона, там даже гранатой не достанут.

Снова что-то мелькнуло в окне. Гавкнула очередь. Пули крошили глинистую землю, пропитанную влагой.

– Командир, на крыше двое затаились, – проинформировал Жлобин. – Влево посмотри, там кровля вздыбилась, за ней пулемет ставят.

Он сам засек, что ползут двое, огибая препятствия. Там было где спрятаться. Крыша превратилась в хаос строительного хлама с провалами и перегибами. Ствол пулемета протиснулся в щель между выгнутыми листами жести.

– Все видят? – негромко спросил Алексей. – Хором, мужики, и сразу меняем позиции. Три, пятнадцать!..

Ударили дружно, из пяти стволов. Каждый выпустил в цель не меньше половины магазина. Шквал свинца вздыбил крышу. Летели куски шифера и жести, огрызки дерева, металла. Что-то затрещало, перекрывая пальбу, обвалился солидный участок кровли, столбы цементной пыли смешались с дымом. Такое ощущение, что по крыше дали чугунной бабой для сноса здания.

Резко оборвался истошный крик. В здании царил истерика, диверсанты стреляли наобум. Спецназовцы перекатывались на другие позиции, никого не зацепило.

На крыше кто-то уцелел. Он стонал от боли, проклинал поганых москалей. Там что-то трещало. Диверсант, похоже, выбрался из провала, перестал доламывать крышу. Но ругань не стихала. Доставалось всем – проклятым сепарам, долбаной русской маме и даже российскому президенту, который вряд ли имел отношение к этой вот конкретной крыше.

– У него серьезные психологические проблемы, – заметил Гаспарян.

– Так сделай что-нибудь, – посоветовал ему Алексей.

– А я врач? – спросил боец.

Ураган свинца опять ударил по многострадальной крыше. Сыпались щепки, обломки шифера. В зоне видимости нарисовалось тело с раскинутыми руками.

«Вот он и избавился от психологических проблем», – подумал Алексей.

Спецназовцы снова перекатывались, искали укрытия. Огонь из здания слабел. Сказывалась нехватка боеприпасов.

– И осталось их пятеро, – меланхолично пробормотал Колесник.

– Четверо, – поправил Мережко, произведя прицельный выстрел. – Зуб даю, командир.

– Невельский, ты слышишь меня? – поинтересовался Корнилов.

– А то, капитан, – ответил офицер, отстраненный от дел. – Можно сказать, наслаждаемся вашей работой.

– Твои пулеметчики не спят?

– Надеюсь, нет.

– Пусть пройдутся по второму этажу. Плотненько так, с огоньком, желательно с двух сторон. Ниже не надо, мы уже идем, не зацепите.

– Я понял, капитан, сделаем. Поддержим вас, так сказать, дружеским огнем.

Алексей давно подметил, что внизу диверсантов нет. Видимо, условия там были мало подходящими. Все четверо бегали по второму этажу, иногда давали одиночные выстрелы.

Новое светопредставление не заставило долго ждать. Крупнокалиберные пулеметы ударили одновременно, круша и сшибая все, что еще уцелело, включая крохотный выступ – декоративный полубалкон. Рвались рамы оконных переплетов, целые куски обветшалой кладки вываливались из стен. Пыль стояла столбом.

Под прикрытием дружеского огня спецназовцы покинули укрытия и пошли вперед. Алексей бежал, пригнув голову, и отмечал препятствия на дороге – обломки шифера, вывернутые куски асфальта, тело женщины в груди битого стекла.

Добежали все. У диверсантов просто не было возможности высунуться. Алексей припал к стене под навесом, извлек гранату из кармашка жилета. Товарищи припали к стенам. Пулеметчики по команде прекратили огонь.

Диверсанты словно сорвались с цепи. Они выкрикивали ругательства, яростно палили со второго этажа. Но группа находилась в слепой зоне, пули сюда не доставали.

– Заходим! – приказал Корнилов. – Колесников, Мережко – с западной стороны. Остальные – за мной. Да осторожнее, мужики, повременим с вечной памятью, добро? Хорошо бы живым хоть одного злодея взять.

Он выдернул чеку, бросил гранату в истерзанный дверной проем, прильнул к стене, заткнул уши. Уже научен. Вроде не самая мощная штука, а взорвется рядом – долго барабанные перепонки вибрируют.

Капитан дождался прохода ударной волны, вкатился внутрь. За ним никого не было, парни предпочли другие пути. Кругом дым столбом. Он запнулся об огрызок вывернутой стены, не удержал равновесия и, пока падал, прошелся на всякий случай веером из автомата.

Алексей словно в безвоздушное пространство попал. Ударился обо что-то затылком, тело онемело. От звона в ушах не удалось уберечься. Он шел по стенке как слепой, на ощупь. Запнулся о мертвое тело. Пока пришел в себя, прошли драгоценные секунды.

Мир ворвался в голову красками и грохотом. За стенами стреляли автоматы. Наверху. А где еще? Взорвалась граната, прозвучал душераздирающий вопль.

Капитан кинулся к лестнице, вспоминая, что здесь есть еще две, слева и справа, в концах коридора. Он взлетел наверх, присел у поворота. На этаже форменный бардак, все разворочено, стены, обломки мебели. Что-то трещало в противоположном крыле. Оборвался сдавленный крик.

– Гаспарян?

– Тут я, командир.

– Бездельничаешь?

– Что ты, никак нет. Коплю силы для рывка.

– Жлобин? Ты в порядке?

– Ага, еще тепленький. – Старший лейтенант как-то подозрительно закричал. – И этот парень, которого я удавил, тоже не остыл. Какие они тупые – ведутся на элементарные разводки. А еще киборги, мать их!..

– Убил?

– Ага, навсегда.

– Это у них после Чернобыля, – пояснил Колесник. – Должны рождаться с двумя головами, а получают с одной. Да и та пустая.

– Я протестую, – заявил Гаспарян. – Это моя шутка.

Тугая очередь взорвала этаж. Посыпались кирпичи, повалилась какая-то рухлядь.

– Командир, еще один утилизирован, – отчитался Мережко.

«Двое осталось», – прикинул Алексей.

Он медленно крался вдоль разрушенных стен, косясь по сторонам. Здание оказалось не таким уж маленьким. Все свои остались за кадром. Но кто-то здесь таился. Капитан чувствовал, что этот субъект уже рядом.

Чуйка сработала! Справа проем, в нем что-то мелькнуло, грохнул выстрел. Корнилов прыгнул за простенок, потом за соседний, ввалился в какой-то растерзанный кабинет, украшенный люстрой, болтающейся на проводе на уровне груди. Осечка, товарищ капитан! Он выронил автомат.

Словно черт из табакерки выпрыгнул из полутьмы субъект с горящими глазами и обугленной рожей. Комбинезон диверсанта порван в клочья, залит кровью. У этого типа с рыжими усами точно были психологические проблемы.

Патроны у него кончились, он с ревом бросился, взмахнул ножом. Сработал блок из перекрещенных предплечий. Нож отлетел со звоном. Пинок в промежность – хорошо, но мало!

Диверсант согнулся, но все же толкнул капитана. Тот отлетел назад и ударился затылком о люстру, болтающуюся на длинном проводе, оторвавшемся от потолочной балки.

Диверсант с воспаленными глазами летел на него. Люстра помогла – отличная привычка использовать подручные предметы. Он швырнул ее в рожу диверсанта. Удар ошеломил того, он прокаркал что-то негодующее.

Алексей прыгнул в сторону, чтобы не схлопотать по лбу этой же люстрой. Владелец тараканьих усич пролетел мимо как подбитый бомбардировщик, закопался в грудке мусора. Капитан споткнулся о кирпич и упал. Какой-то штырь чуть не проткнул его насквозь.

Диверсант был живуч и страшен как первородный грех. Он выбрался из хлама, снова кинулся в драку. Алексей выхватил пистолет из кобуры и дважды нажал на спуск. Пуля в грудь, вторая в шею.

Супостат рухнул на колени, глаза его съехались в кучку. Кровавый галстук нарисовался на груди. Он повалился с треском, посмертно разбил свой дурацкий лоб.

– Страсти какие! Христос нервно курит, – пробормотал Мережко, вваливаясь в кабинет. – О, черт, люстры развесили. – Он чуть не заработал шишку, пригнулся, подал руку, помог подняться. – Ты в порядке?

– Что снаружи? – прохрипел Алексей, сгибаясь в припадке какого-то сатанинского кашля.

– Еще один остался, – сказал Мережко, заботливо постучав командира по спине. – Бегает без присмотра. Пойдем, поищем?

– Эй, народ, я загнал его! – бодро сообщил в наушник Колесник. – Коридор, и направо, у туалетов. Тут он, клювом щелкает, попался, красавчик. Прибить его, капитан?

– Не надо, мы уже идем, – ответил Корнилов. – Держи, чтобы не ушел.

Мимо протопали возбужденные Гаспарян и Жлобин. Алексей и Мережко пристроились в хвост.

Последний диверсант был загнан в угол в глубине крыла. Он корчился за разбитым подоконником, согнулся в три погибели, зажимал распоротое предплечье, из которого хлестала кровь. Все оружие этот фрукт растерял. Последней умирала надежда. Молодой белобрысый парень исподлобья таранился на врагов, презрительно гримасничал. Проблемы с рукой были не единственными. Он сгибался, упирал локоть в живот. Наверное, в туалет хотел.

– Простатит обострился, козел? – спросил Жлобин.

Диверсант соорудил чудовищную мину. Видимо, с такими рожами brave хлопцы в пятидесятых шли к стенке.

– Пошел ты, подлюка продажная!.. – процедил диверсант. – Стреляйте, суки, все равно не дамся, убивать вас буду, резать... – Он подавился бурными эмоциями, выпучил глаза.

Парень прижимался задом к подоконнику. Между ним и бойцами громоздился разбитый шкаф. Перебраться через него труда не составляло, но спецназовцы устали. Они задумчиво

смотрели на обломки шкафа, на согбенную фигуру, страдающую от невозможности что-то сделать.

– Вот странно, – меланхолично заметил Мережко. – Вроде офицер, а умственные способности явно ограничены.

– Что ты, падла, несешь? – Диверсант злобно оскалился, зашелся хриплым каркающим смехом. – Остались без аэропорта? Туда вам и дорога, подстилки москальские.

– Интуиция мне подсказывает, что сейчас у него и физические способности будут ограничены, – как-то обиженно проговорил Гаспарян.

– Ладно, время перекура подошло к концу. – Алексей подался вперед, утвердился ногой на переломанной полке.

Автомат перевернулся, приклад врезался в грязный лоб. Удар был выверен. Ломать черепушку не стоило. Ведь кто-то должен поведать миру о подлой атаке на аэропорт Северный. Туша диверсанта повалилась в груды разбитой мебели.

– Вытаскивайте его, мужики. Не мне же за вас напрягаться. Можно без почестей, но и бить не стоит, а то замаемся потом оживлять, – проговорил Алексей.

Колесник схватил парня за шиворот, переволок на чистое место.

– Пойдемте отсюда, – сказал Гаспарян. – Наши победили с разгромным счетом.

Все покосились на него. Город остался без важного объекта – это ладно. Часть функций возьмет на себя аэропорт в Нахимове. Но погибли люди!

Гаспарян сообразил, что ляпнул лишнее, стыдливо потупился.

– Корнилов, у тебя порядок? – осведомился по рации капитан Невельский.

– Да, полный, – устало сообщил Корнилов. – Некоторые даже говорят, что мы победили с разгромным счетом.

– Мы войдем, ничего?

– Сделайте одолжение, капитан, поднимайте своих людей, а то они уже битый час задницы морозят. Одного мы взяли, выходим. Соберите трупы, осмотрите тут все. Вроде со всеми разобрались, но кто их знает, этих недоделанных киборгов.

Глава 2

Спецназовцы выбирались из разрушенного аэровокзала, шурились на заходящее солнце, горестно вздыхали. Сколько денег и сил было вложено в восстановление объекта, от которого снова остались руины! Когда же утомонятся эти нелюди? Как была пропущена в тыл целая колонна диверсантов, увешанных оружием и взрывчаткой? Они же не из воздуха материализовались, по земле шли.

Бойцы курили на пустыре, мрачно наблюдали, как возятся люди в руинах. Вражеская группа ликвидирована полностью, никто не вырвался. Прибыли медики, убедились, что в их услугах здесь не нуждаются. Спасатели выносили тела погибших, выкладывали в ряд, укрывали. На трупы старались не смотреть.

– Хорошо, что это уже не наше счастье, – пробормотал Гаспарян.

Прибыла машина из контрразведки. Здоровые молодцы спеленали пленника, бросили в кузов, уехали. Появился транспорт из штаба. Героев дня провожали без аплодисментов.

Спецназовцы тряслись в микроавтобусе, покоряющем бывшие колхозные поля. Снова капал дождь, размывая дорогу, насыщая влагой уставшую землю. Сыро, слякотно. Картошку давно убрали, в бороздах догнивала ботва. Урожай в этом году был скверный. Злые языки шутили, что и тут постарались украинские диверсанты. На деревьях кое-где еще желтела листва, но в основном растительность стояла голая.

Дорога в аэропорт «Северный» никогда не отличалась качеством покрытия. Асфальт здесь не прокладывали, слой щебенки давно разрушился, плыли откосы и обочины. Ходили слухи, что на дорогу выделялись деньги, но по назначению они не пришли.

Возможно, по этой причине в сентябре в администрации Калашовки прошли аресты. Забрали первого заместителя районного главы, проредили финансовый отдел, увезли в кутузку госпожу Макарову, ответственную за благоустройство и районную дорожную сеть.

Она вроде в чем-то созналась, выдала следователю настоящий перл:

«Я никогда ни в чем не была виновата. Это система!»

Водитель ушел с основной дороги, чтобы не пыхтеть через всю Калашовку. Колеса месили проселок, машина плыла, угрожающе висла над откосами.

Вездеходов на всех не хватало. Российской техники было мало, а качество трофейной поражало воображение и вызывало дикий смех с привкусом горечи.

Из-за леса выплывали западные предместья райцентра, когда-то славящегося своим промышленным потенциалом. Над городом по-прежнему возвышались трубы металлургического завода, но дымила только одна. В трех цехах бывшего гиганта ремонтировалась техника. Трудоустроиться туда для местных жителей было так же престижно, как попасть в корпорацию «Эпл».

Город был чудовищно растянут частным сектором. Высокие дома стояли только в центре. Там даже торчали две свечки, пережившие четверть века независимости и процветания, а также попадания артиллерийских снарядов.

Через минуту машина уже катила по частному сектору. Водитель, местный парень, постоянно выискивал короткую дорогу, лез в какие-то щели, срезал путь по пустырям и гаражным кооперативам. Экономия горючего дошла до абсурда.

Весть об атаке на аэропорт, похоже, облетела городок. Улицы были пусты. Над обшарпанными заборами торчали голые кустарники и плодовые деревья.

Дороги оставляли желать лучшего. Дыры в асфальте были засыпаны чем попало, заложены кирпичами. На что-то большее у властей не было денег.

Городок никогда не славился обеспеченностью жителей. Здесь отсутствовали живописные реки, озера, зато с лихвой хватало промышленной гари, мрачных заводских корпусов за уродливыми бетонными заборами, лязгающей техники.

Частный сектор хирел, люди жили небогато, особенно сейчас. Безработица достигла устрашающих размеров. Грабежи и воровство становились обыденностью. Полиция и дружинники работали на износ. Многие мужчины шли в ополчение – там хоть кормили и давали паек.

Временами появлялась информация, что в город проникают группы бывших экзов, науськанных украинскими властями. Дескать, грабь, убивай, демократия все спишет, а потомки оценят.

Людей для патрулей катастрофически не хватало. Нередко этим занимался даже спецназ, в обязанности которого в спокойное время входила охрана штаба бригады и важных лиц из руководства.

В бревенчатом здании штаба, где до войны располагалось что-то спортивно-юношеское, было шумно и суетно. Бегали люди, кто-то ругался. Постоянно подъезжали и отходили машины. В коридоре плакали какие-то женщины.

О геройстве спецназа народ был в курсе. На бойцов люди посматривали с уважением.

Командир бригады полковник Мишук пребывал в недельной командировке в Донецке. По альтернативной версии – в Москве. Начальник штаба подполковник Былинский тоже отсутствовал.

Дежурный развел руками. Мол, уехал, жутко ругаясь. В последний раз звонил четверть часа назад из аэропорта, упражнялся в изящной словесности, требовал письменного отчета от капитана Корнилова, когда тот появится. Всю свою компанию забрал с собой – отделение охраны и секретаршу Веру. Она же управляющая делами и объект, на котором можно срывать злобу.

Алексей отпустил своих людей – общежитие в трех шагах, – порекомендовав им не пить и не разбредаться. Он мялся на крыльце, потом побеседовал с заместителем Былинского майором Сержаковым, написал ломаным почерком лаконичную объяснительную. Он злился, поражался армейскому бардаку и безответственности, потом пожал плечами и побрел домой.

Алексей снимал половину частного дома в Заовражном переулке, в пяти минутах ходьбы от штаба, за оврагом с мостиком, в узком проулке, куда едва протискивалась машина. Это жилье было не ухожено и требовало ремонта. Огород зарос бурьяном по самую шею.

Но Алексея это устраивало. Чистоту он поддерживал, вода и печка имелись, дрова были нарублены на месяц вперед. А главное – кровать не вызвала нареканий – солидная, железная, навевающая ассоциации с трудным детством. Остальное его не волновало. Он приходил в эту хату лишь поспать.

Телефон разбудил капитана в девять утра. Болело все! Вчера он несколько раз падал, обзавелся синяками и ссадинами. Он в изумлении уставился на циферблат «Командирских», которые уже двенадцать лет не ломались, перевел глаза на телефон, лежащий на тумбочке. Алексей даже не помнил, как вчера раздевался. В конце концов, он еще молодой мужчина, ему требуется крепкий здоровый сон.

– Спишь, тетка, – ворчливо констатировал начштаба бригады подполковник Былинский Алексей Никифорович. – Без задних ног. И совесть, ничего, не ерзает?

– Еще не понял, товарищ подполковник, – признался Алексей. – Пока спал, не ерзала. Уснул, не поверите, с чувством выполненного долга. Было тошно, обидно, но дело свое мы сделали.

– Ладно, к тебе без претензий, – буркнул Былинский. – Это дерьмо всем миром разгребать не один месяц. Может, сделаешь милость, оторвешь свои косточки от кровати и представишь пред ясные очи?

– Вы в штабе?

– Да.

– Хорошо, скоро буду.

– Потрясающая любовь к субординации! – заявил начштаба и прекратил разговор.

Алексей откинул голову и уставился в облупленный потолок, на котором, как кожа на обгоревшем трупe, лопались волдыри известки. Он почистил зубы, согрел чайник с остатками позавчерашнего кофе, позволил себе пять минут релаксации и философского созерцания.

Боевой офицер что-то действительно расслабился. Не к добру. Ведь неприятностей следует ожидать не только с другой стороны линии фронта.

Через полчаса он приоткрыл дверь и усмехнулся. Новая «революционная» власть обрастает бюрократическими замашками. Как к директору завода заходишь – приемная, секретарша, ворохи бумаг и скоросшивателей, не считая пары современных компьютеров.

В приемной сидела симпатичная женщина в защитном облачении, которое ей чертовски шло. Невысокая, ладная, с распущенными пепельными волосами и вздернутым носиком. Рядом с секретаршей и доверенной делопроизводительницей Былинского Верой Александровной Золотаревой пристроилась ее пожилая коллега и диктовала ей цифры. Секретарша вносила их в компьютер. Она покосилась на скрипнувшую дверь, украдкой улыбнулась.

Алексей сухо кивнул и сказал:

– Доброе утро, дамы. Мне назначено.

– Никакое оно не доброе, – заявила пожилая работница, покосившись на поясную кобуру посетителя.

– Какое есть, – возразила секретарша. – Добрый день, Алексей Петрович, проходите, вас ждут.

В кабинете было только самое нужное: стол, стулья, пара шкафов. Интерьер украшала карта непризнанной республики во всю стену. В натуральную величину, как шутили штабисты. На ней умещалась и парочка соседних западных районов, по недоразумению оставшихся за Украиной.

Подполковнику было около пятидесяти. Суховатый, худой, сутулый, с аккуратной плешью, рассекающей голову. Он носил очки в массивной оправе и предпочитал камуфляж без знаков различия, словно стеснялся своих звезд. Начальник штаба сидел за столом, обхватив виски ладонями, и угрюмо смотрел в монитор небольшого лэптопа. Он сделал знак, садись, мол.

Алексей опустил на стул и поморщился. Десятиминутная прогулка не придала ему здоровья и бодрости.

Подполковник с раздражением захлопнул компьютер, хмуро воззрился на заместителя начальника охраны.

– Ну, здравствуй, Алексей Петрович.

– Здравствуйте, Алексей Никифорович. Новости изучаете? Лучше не делать этого по утрам. Они только бесят.

– Сильно бесят, – подтвердил Былинский. – Америка собирается поставлять Украине летальное оружие. А незалежный президент бухнул с трибуны Генассамблеи ООН, что Украина достигла важного прогресса в осуществлении реформ. Она сегодня, видишь ли, борется за свободу и демократические ценности, которые объединяют весь цивилизованный мир. У нее могучая армия, которую побаивается Россия, огромный нереализованный потенциал.

– Сказочная страна! – подтвердил капитан. – В ней искоренена преступность, на границах мир и покой, власть печется о благополучии населения, расцветают наука и искусство, народ вкушает плоды бесплатного образования и медицины, все богаты и счастливы. Поражаюсь, Алексей Никифорович, почему жители наших республик и Крыма не бегут обратно в Украину, теряя штаны и сшибая шлагбаумы на границах.

– Ну ты и загнул, – уважительно сказал Былинский и всмотрелся в офицера, сидящего напротив. – Не нравишься ты мне, капитан. В больницу тебе надо после вчерашнего. Да и простуда из тебя еще не вышла.

– Не хочу. – Алексей помотал головой. – Буду ждать.

– Чего? – не понял подполковник.

– Пока мазь изобретут, – пояснил Корнилов. – Помазал, и все зажило. Я в порядке, товарищ подполковник. Переходим к нашим баранам? Что на сегодня?

– У депутатов Рады очередное обострение, – заявил Былинский. – Осеннее, видать. Им поступила информация, что мы затеяли новую провокацию. Пьяные сепаратисты разгромили собственный аэропорт. Один преступный клан наехал на другой, в итоге район лишился важного транспортного объекта, погибли мирные жители. Кремлевские наймиты, конечно, все свалят на мнимых украинских диверсантов, что абсурдно по определению. Украина – априори хорошая, она не уничтожает гражданские объекты и не убивает мирных жителей. Вообще невозможно представить себе более миролюбивое государство.

– А почему пьяные сепаратисты? – не понял Алексей.

– А где ты видел трезвых сепаратистов? – удивился начштаба. – Мы же звери в человеческом обличии, у нас нет ничего святого, мы уснуть не сможем, пока не расстреляем всех жителей парочки мирных деревень. Зло берет от этого маразма, которому верит Запад. – Начштаба скрипнул зубами. – Вот скажи, тезка, почему так? Россия снова нарушает мировой порядок. Ты заметил, как только украинские военные делают пакость, так сразу в СМИ истерика – Россия нарушает перемирие, не выполняет минские договоренности.

– Что с пленным? – спросил Алексей.

– Нормально с пленным, – отмахнулся Былинский. – Спасибо тебе, что устоял перед соблазном и не грохнул его на месте. Старший лейтенант Бобрич, уроженец Галичины, убежденный последователь дела Степана Андреевича Бандеры и Адольфа Алоисовича Гитлера. Вышел из «Правого сектора», обвинив его в недостаточной радикальности. Исповедует крайне правый национализм. У контрразведки есть кое-что об этом отморозке. Летом пятнадцатого командовал ротой под Дебальцево. При прорыве окружения активно использовал живой щит из представителей гражданского населения и пленных ополченцев. Лично участвовал в пытках и казнях. Держится на допросах гоголем. Пока. Свидомый, так сказать. Патологическая украинская самоидентичность. Я весь из себя такой хохол, высшая раса, куда там немцам, скандинавам и прочим древним римлянам. Допроса с пристрастием пока не проводили, просто спать не давали. Он, в принципе, подтверждает, что командовал группой диверсантов, заброшенных в наш тыл. Об остальном пока молчит. Как перешли границу, какими тропами, кто провел, пособничал?..

– А главное, кто послал их и готовил эту акцию, – добавил Алексей. – Да и насчет пособников тема интересная. Это были не смертники, умирать не собирались, планировали нагадить и уйти с триумфом. Значит, кто-то должен был содействовать с коридором. Они знали, что после акции весь район заблокируют, но рассчитывали, что время для отхода у них будет. А мы среагировали быстро, что стало для них сюрпризом.

– Случайность, – заявил подполковник. – В Пырино комиссия из Донецка проверку боеготовности проводила. Оба взвода подняли по тревоге, подогнали машины. Счастливая случайность, понимаешь? Экипаж Ан-24 подал сигнал. А ведь по задумке диверсантов они должны были разбиться. Опять же твоя группа на вертушке. Кто, скажи на милость, мог знать, что

вы будете тут летать? Нас спасают лишь счастливые случайности, понимаешь? Бог играет на нашей стороне. А вдруг передумает? Мы потеряли двенадцать гражданских, половина – женщины. Убиты трое охранников. Мы не можем защитить наше население, и это самое страшное. Отсюда паника и бардак. Объект, в который вбухали кучу денег, снова разрушен. В ближайшие полгода его точно не восстановят, потому что не на что. Мало средств выделяется.

– Тут не средства надо выделять, а кладбища, – проворчал Алексей. – Какие-нибудь меры предприняли?

– Оцепили все леса, заблокировали дороги.

– Зачем? Еще кого-то хотите найти?

– Так надо, – отрезал начштаба. – Положено. Все части приведены в состояние боевой готовности. Доложили Мищуку, но он не может сейчас вернуться. Да и какой с него толк, если все уже случилось? В городской администрации истерика. Там обвиняют военных. Мол, не позаботились о должной охране объекта. – Былинский разозлился, треснул кулаком по столу. – Ненавижу, когда дураки начинают умничать! Хотя понятно, кто-то там радуется. Теперь воровство не докажешь, все деньги, мол, ушли на аэропорт. Не могу избавиться от ощущения, капитан, что с коррупцией мы не боремся, а дружим.

– Мне-то что делать?

– А что, заняться нечем? – Былинский всплеснул руками. – Охрана объектов налажена безупречно, все окружено тройными редутами и рвами с крокодилами? Ладно. Кишка у них тонка нагадить вторично. Формально ты заместитель начальника охраны, но это не твой уровень. Съезди с парнями на газораспределительную станцию. Был сигнал, что там мелькали подозрительные лица. Потом дуй в Плотвиху, это на границе. Там работают парни из контрразведки. Поступило сообщение от внештатного агента, что диверсанты проникли на нашу территорию именно на этом участке. Их вел один из местных жителей, причем часть пути провез на минивэне. Нужны подробности, почему такое случилось. Если это проторенная тропа, то мы в заднице, понимаешь? Эту дорожку надо блокировать. Контрразведчики ведь не делятся с нами информацией. – Подполковник собрался снова ударить по столу, но передумал. – Мы сидим тут как слепые. Вся разведка – ты да я. И сделай, наконец, что-нибудь со своим здоровьем! – возмутился Былинский. – Смотреть тошно! Не хочешь бюллетенить, так лечись по ходу работы. Что тут непонятного?

Простуда к вечеру отступила, заняла оборонительные позиции в недрах организма. Помогли рюмка водки с перцем и клетчатый шарф вокруг горла, который вкупе с бравым камуфляжем смотрелся как-то авангардно. Подчиненные посмеивались – мол, здравствуйте, Остап Ибрагимович, – потом привыкли. Царапины и гематомы тоже отошли на задний план.

Но этот день, проведенный впустую, окончательно вымотал Алексея. На газораспределительной станции все работало. Ребята из роты капитана Меркурьева старательно несли службу. Еще бы, после вчерашнего!

Подозрительные лица оказались парочкой бомжей, инспектирующих соседскую свалку. Их задержали, увезли на допрос. Скорее всего, это была пустышка.

В Плотвихе действительно проводились оперативно-следственные мероприятия, там арестовали двух деревенских жителей по подозрению в причастности. Они все отрицали, улики были косвенные. Но тропа в обход болота реально имела место.

Следопыты едва не напоролась на растяжку, оставленную диверсантами. Дело было к вечеру, видимость терялась. Колесник не заметил с высоты богатырского роста проволоку, натянутую над тропой, напоролся на нее, почувствовал беду, успел закричать. Время замедления – четыре секунды.

Гаспарян схватил его за шиворот, потащил в сторону, повалил в канавку. Успели до взрыва. Граната, слава богу, оказалась наступательной.

Колесник отделался испугом и вселенским позором, Гаспарян – подвернутой лодыжкой. Он ругался на весь мир, растирал поврежденную конечность, потом пытался встать на нее, охнул, согнулся пополам, стал материться с утроенной энергией. Потом бедняга подобрал палку с сучками, соорудил из нее костыль и запрыгал к машине. К больной ноге никого не подпускал, обещал надрать задницу любому, кто прикоснется.

Спецназовцы возвращались на базу в полном унынии. Зачем убили весь день, неизвестно. Всех терзали пакостные предчувствия.

– Напиться бы сейчас, – пробормотал Жлобин, и остальные согласно закивали. – Хоть что-нибудь хлебнуть. Мережко, ты ничего в бардачке не заныкал?

– Нет, – ответил тот, вертя баранку. – Я не пью за рулем. Неудобно – бутылка по зубам стучит.

Сгустились сумерки, когда микроавтобус въехал в Калашовку. Гаспарян вышел на улице Некрасова, у медпункта, и захромал лечиться. Остальные покатали дальше, въехали в ворота базы, там потянулись в общежитие.

Алексей дважды обошел территорию, погрузившись в задумчивость и натываясь на часовых, которых явно был переизбыток. Он навестил дежурного, посидел с ним пару минут, донимая странными вопросами.

В штабе, в бригаде, да и в самой Калашовке никаких инцидентов за день не случилось. В растерзанном аэропорту работала высокая комиссия. Возможно, скоро полетят головы – военные и гражданские.

В штаб нагрянули гости – несколько молчаливых офицеров из военной контрразведки. После их отъезда начштаба Былинский был зол, как гадюка. Совещался с командирами подразделений, инженерного взвода, связистов, устроил выволочку снабженцам. Ушел совсем недавно – минут сорок назад. Секретарша Вера задержалась, печатала какие-то бумаги, но и ее уже нет.

Капитан сделал пару звонков, снова походил по территории, ловя недоуменные взгляды бойцов караульного взвода. Все это становилось глупо. Предчувствия не покидали его. Что-то должно было случиться. Хотя, возможно, и не сегодня.

Он посмотрел на часы и зашагал на съемную хату. Капитан постоял у калитки, подышал вечерней свежестью. Дождик прекратился, в тучах обозначились прорехи, сквозь которые поблескивали звезды. Дул холодный ветер, заставляя вспоминать, что такое зимняя форма одежды. Он стряхнул оцепенение, открыл калитку, поднялся на крыльцо.

Через сорок минут Алексей вышел из дома. Он словно заново родился – отмылся, переоделся, даже бритвой поводит по заросшим щекам.

Капитан погрузился в хитросплетения заборов и кустарников. В том самом доме на улице Сиреновой кто-то был. За шторами поблескивал огонек. Он отомкнул калитку, быстрым шагом пересек двор.

Женщина будто ждала его под дверью. Алексей только постучал, а она уже открыла, втянула его внутрь, повисла на шее. Из одежды на ней был самый минимум – легкий сатиновый халатик. Она смеялась, жадно целовала его в губы. Под ногами вился пушистый рыжий кот, плотоядно урчал.

– Фу, – сказала женщина, отлипая от него. – Нацеловалась. Пойдем!.. – У нее был приятный, чертовски сексуальный бархатный голос.

– Вера Александровна, вы такая страстная. – Он не мог отдышаться, эта особа заводила его не на шутку. – Даже не напоите, не накормите?

– Потом, мой милый. – Вера Александровна Золотарева, верная помощница и секретарша подполковника Былинского, скинула халатик и потащила Алексея в кровать.

Он нисколько не возражал. Жизнь есть жизнь, какие бы гадости в ней ни учинялись. Она урчала как кошка, стаскивая с него одежду, наткнулась на пистолет, засмеялась.

– Так это лишь оружие? А я-то думала...

У Алексея срывалось дыхание.

– То, о чем ты думала, находится немножко левее.

Предметы мужского гардероба разлетались по комнате, оказывались в самых нелепых местах. Кровь кипела, прилиwała не только к голове.

Тела переплелись на широкой кровати, которая закричала так отчаянно, словно ей делали больно. Но это их не отвлекало. По соседству проживала лишь одна глухая старуха, которую Вера иногда подкармливала.

Они встречались украдкой больше трех недель, фактически с того дня, когда Алексей впервые появился в штабе. Взгляд его застыл на молодой женщине в хорошо сидящем камуфляже. У нее в глазах заиграли изумруды. Капитан выложил перед ней свои документы, а она не сразу поняла, что он хочет.

– Это вы после ранения?

– Так точно, мэ. – Он небрежно козырнул. – А вы здесь самая главная?

– Ну что вы. Я тут исключительно для красоты.

Вечером того же дня он «случайно» столкнулся с ней в продуктовом магазине, где она покупала картошку, помог донести до дома. Страсть накрыла его с головой. Это было необычно, как-то причудливо.

– Вы помогли мне донести покупки. Должна же я вас как-то отблагодарить, – пошутила она после первого секса и задумалась.

Повод ли это перейти на «ты», а заодно и познакомиться?

Все повторилось через день, два, вошло в норму. В штабе они демонстративно поддерживали сухие отношения, но кто-то начинал догадываться.

Иногда у него случались вечерние и ночные дежурства – от службы никуда не денешься. В эти дни ему становилось не по себе. Он пытался представить эту женщину. Чем она сейчас занимается, не пытается ли за ней приударить какой-нибудь резвый мерин? Ведь пытались, но до возникновения на горизонте одинокого капитана ей никто не нравился.

До безумия четырнадцатого года Вера Александровна работала в департаменте по чрезвычайным ситуациям, так что носить униформу ей было не в диковинку. Былинский и тогда был ее начальником. Он ушел из армии в звании майора, поступил в департамент на хорошую должность.

С чрезвычайными ситуациями в городке, напичканном заводами с устаревшим оборудованием и такой же инфраструктурой, все было в порядке. Тут периодически что-то взрывалось и горело.

В принципе, у Веры Александровны был муж. До развода не дошло.

«Настоящую женщину никаким мужем не испортишь», – шутила она по этому поводу.

К текущему моменту этот гнусный, ничтожный человек проживал у родни под Житомиром, как снова шутила Вера, на территории, временно занятой неприятелем. Ей приходилось волочь на себе хозяйство и зарабатывать на жизнь. Детей бог не дал, хотя в текущей ситуации это было скорее плюсом, чем минусом.

Работала она прилежно. Однажды призналась, что временами ей по-человечески жаль Былинского, у которого толком ни семьи, ни друзей, зато огромный груз ответственности и пара микроинфарктов за плечами.

– Я даже знаю несколько его секретов, которые он держит в тайне, – похвасталась Вера. – Шеф просил никому не говорить, и поэтому не скажу, не проси.

Очередное сексуальное сражение завершилось. Стороны, довольные друг другом, приходили в себя на мятых простынях, тяжело дышали. Их ноги остались переплетенными. Вера бездумно улыбалась, ерошила слипшиеся волосы Алексея.

С пронзительным «мяу!» на кровать запрыгнул кот Онуфрий. Он прошелся по голове капитана Корнилова, устроился между потными телами.

– Тебе собаку надо завести, – сказал Алексей. – Прокормим, если что. Собака нужна, время трудное, всякая шпана по ночам болтается.

– Зачем мне собака? Сама кого угодно покусая. У меня пистолет есть, я им пользоваться умею. А еще вот это рыжее чудовище. – Она погладила Онуфрия, который отзвучиво выгнул спину. – Бойцовский кот, может загрызть. Шучу, конечно. Он только муху способен обидеть. С мышами дружит, за птичками не бегаёт.

– Зато по утрам носится так, словно это он опаздывает на работу, – проворчал Алексей.

– Точно, – согласилась Вера. – Сволочь он. – Она приподнялась, уставилась на него большими глазами.

– Что-то не так? – насторожился Алексей. – Промчались романтические ночи, но не пришли критические дни?

– Ах, если бы. – Она вздохнула. – Я несколько раз пыталась забеременеть, и все впустую.

– Прости.

Вера перелезла через него, отыскала на тумбочке пачку сигарет, зажигалку, закурила.

Алексей бросил это дело год назад и пока держался. Отучать женщину от пагубной привычки он даже не пытался. Пусть дымит, если ей так легче. Каждый по-своему снимает стресс.

– День прошел спокойно? – спросил он.

– Издеваешься? – вспыхнула женщина. – Это ад какой-то, а не день. Былинский дважды наорал, так смотрел, будто это я на аэропорт напала. Послезавтра приедет Мишук, будут жуткие оргвыводы. Комиссия из Донецка уже работает, ожидается еще одна, аж из Москвы, во главе с каким-то важным борцом с диверсиями. Ходят слухи, что бригаду расформируют. Насчет этого не знаю, но руководство хорошенько взгреют. Мол, охрана аэропорта лежала на нашей совести.

– Но это, в принципе, справедливо, – осторожно заметил Алексей. – Любой аэропорт – стратегический объект. Насколько знаю, раньше в нем стояли военные.

– А у нас всегда так – ждем, пока жареный петух клюнет. Три недели назад сняли нормальную охрану, усилили безопасность в Нахимове, а Северный отдали частному охранному предприятию. Невозможно понять, кто является инициатором этого приказа. Начальство кивает друг на друга, на компанию «Донецк-авиа», контроль над которой давно забрали военные.

Они лежали, совершенно расслабленные. Словно не было вокруг всего ужаса, снаружи плескалось море и пальмы кланялись воде.

– Словно не с нами это все, – как-то отстраненно прошептала Вера. – А завтра, между прочим, уже суббота.

– На шабаш собираешься слетать? – осведомился Алексей.

– Я бы слетала. – Женщина откинула голову, помрачнела. – Завтра похороны, Алексей. Десять человек сразу. Еще двоих повезут в Ульяновку и Сосны, там у них близкая родня. Шесть женщин, представляешь? Ведь не старые, у многих дети, пожилые родители. Это ужас какой-то. Я знала двоих.

– Надеюсь, очередной Нюрнбергский процесс все-таки состоится, – пробормотал Алексей. – Хотя, конечно, погибшим от этого не полегчает.

– А вот ты зачем приехал воевать на Донбасс? – спросила Вера. – Сам из Сибири, служил в разведке Дальневосточного округа. За каким лядом тебя понесло в богом забытую всесоюзную житницу?

– Ты все знаешь, Вера. – Алексей смутился, он не любил возвращаться к этой теме. – Дослужился до капитана, формально числился командиром разведывательной роты. Неплохо звучит, да? Что в такой дали можно разведывать? Завел семью, детей настрогать, правда, не успел. Были друзья, сослуживцы уважали. Потом конфликт с начальством, вернее, со штабным гаденьшем, имеющим протекцию. Разрыв с женой из-за этого фрукта. Вот и покатился по наклонной, подал рапорт об увольнении, к бутылке начал прикладываться. Спасибо Василию Павловичу, бывшему комбату. Он третий год на пенсии, в четырнадцатом перебрался на Донбасс, свою историческую родину, вспомнил, связался, пригласил поучаствовать, так сказать. Знаешь, Вера Александровна, жизнь начала налаживаться. В ополчении восстановили в звании, учли, что служил в спецназе, снова друзья, уважение. Вот только понятия не имею, куда направят завтра-послезавтра.

– И почему мы с тобой такие неприкаянные? – Вера вздохнула.

– Какие есть. – Он закричал, выбираясь из кровати. – Ладно, пора брать процесс в свои руки. Вижу, что от тебя я сегодня ужина не дожусь. Предлагаю сделку. Твои продукты – я готовлю. В следующий раз наоборот.

– Какая прелесть, господи! – восхитилась Вера. – Голый мужчина станет готовить мне ужин, а я на это буду смотреть. Не забывай, что в республике режим экономии, поэтому сильно не размахивайся.

– Я в курсе, – проворчал Алексей. – Не волнуйся, нам не привыкать заваривать чайные пакетики по четыре раза.

Глава 3

Сон был не очень приятный. Большие детские глаза умоляли, жгли. Девочка беззвучно кричала, падала в пропасть, которой не было конца. Он пытался ухватить ее за шиворот, но она выскальзывала, болтала ножками, плакала, тянула к нему руки, которые Алексей никак не мог достать.

У бездны не было предела. Вокруг него парили призраки людей в белых халатах, брнчали больничные каталки, бубнили врачи-реаниматологи, которые не хотели видеть это безумное падение.

Он подскочил от телефонного звонка, замотал головой, перебираясь из одной реальности в другую.

Вера не спала, лежала рядом, подперев ладошкой голову, смотрела на него с суеверным страхом.

– Телефон звонит, – сказала она каким-то севшим голосом.

– Да, я понял, спасибо. – Он потянулся к аппарату, превратившемуся в скользкую пиявку.

– Семь утра, – поставил его в известность подполковник Былинский. – Потрясающе, капитан, я работаю твоим будильником. Тебе не стыдно?

– Вас кто-то вынуждает это делать? – Алексей почти проснулся. – Что-то случилось, товарищ подполковник?

– Нет, на нас еще не обрушилась вся мощь модернизированной украинской армии, – ответил начштаба. – Но если будем долго спать, то когда-нибудь насладимся этим абсурдом. Ты мне нужен, Алексей. И люди твои. Надо сопроводить машину «Дон-Банка» из Калашовки в Глухов. Обычное конвоирование, за пару часов справитесь. Отправление от банка в восемь утра. Адрес заведения сам знаешь. Другого в этом городе нет. В машине будут деньги, российские рубли на зарплату. Людей нет, охранять некому. Извини, что так получилось. Все при деле, только вы... – Он замолчал.

«Бездельники», – мысленно закончил Алексей.

– Много людей не бери. Там не такая уж значительная сумма. Постарайтесь это сделать без копоты и шума, не привлекая внимания. По возвращении милости просим в штаб. Есть одно персональное дельце по твоей специальности.

«Теперь мы инкассаторы», – недовольно подумал Алексей.

– Хорошо, я понял, товарищ подполковник.

Он отключил телефон и уставился на женщину, лежащую рядом. Она была необычайно хороша в костюме искусительницы Евы.

– Алексей Никифорович?... – спросила Вера.

Он кивнул, закашлялся и соорудил противную гримасу. Дескать, стоит ли поминать всеу?..

– Ты кричал ночью, – сказала Вера.

Он пожал плечами – бывает.

– Ты очень жалобно кричал, звал какую-то Оленьку. – Она пронзительно смотрела ему в глаза. – Сдается мне, гражданин капитан, что я о тебе чего-то не знаю.

Люди в сером камуфляже грузили мешки в чрево микроавтобуса, обшитого стальными листами. Рядом стояли два стареньких черных джипа, выделенных руководством бригады для конвоирования. Работник кредитного учреждения загрузил последний мешок, задвинул дверь и опять отправился в здание.

Алексей насчитал пять опечатанных денежных мешков. Ничего себе, немного. Даже в рублевых купюрах невысокого номинала это было очень круто. В республике ходила любая

валюта – гривны, рубли, доллары. Гривен становилось все меньше, украинские банки сворачивали работу на мятежных территориях. Украина отказывалась выплачивать Донбассу пенсии и социальные пособия. Свято место не пустовало. Местным жителям было без разницы – гривны или рубли. Лишь бы имелись.

Инкассаторы подали знак, мол, готово. Колонна выехала с огороженной территории. Первым следовал джип сопровождения с тремя бойцами из взвода разведки. Их подкинул Былинский, выслушав нытье Корнилова о нехватке людей.

Гаспарян с подвернутой ногой вернулся из санчасти белее мела, передвигался без костылей, но представлял собой убогое зрелище. Куда такого брать? Он остался в Калашовке.

Остальные трое сидели в одной машине с Алексеем. Мережко крутил баранку, заразительно зевал. Сзади развалились Жлобин и Колесник.

Жлобин дремал, периодически открывал глаза, смотрел по сторонам узкими щелочками, как через прорезь прицела, снова зажмуривался. Бородач Колесник разминал мясистыми пальцами тугую папиросу.

Он предпочитал классический «Беломор», добыть который в наше время труднее, чем гаванскую сигару. Но где-то находил, переплачивал и всякий раз радовался, когда удавалось обзавестись этим крепким зловонным куревом.

Корнилов не запрещал дымить в машине. Собственное прошлое заядлого курильщика еще крепко сидело в памяти.

Что-то было не так. Капитан сжимал цевье щедро смазанного АКС, думал, анализировал. Слишком уж дерзкой выглядела вылазка украинских диверсантов, сейчас резвящихся на том свете.

Промозглая осень давила на психику. Все было хмуро, слякотно. Над городом барражировали низкие тучи, свирепствовал ветер. Восемь градусов тепла. Да, маловато будет.

– Сегодня похороны, – проворчал с заднего сиденья Жлобин. – Митинговать будет начальство. Давно оно у нас что-то речи не задвигало.

– Повода не было, – буркнул Мережко, включая стеклоочистители.

Они пронзительно скрипели, били по нервам. Давно пора заменить, заодно лобовое стекло и саму машину.

– Шура, прекрати, выруби, – взмолился Колесник. – Мы же не железные, по ушам бьет.

– Вырубай, – поддержал Жлобин. – А то осатанею. Я сейчас материться начну.

– Не могу я вырубить, терпите, – огрызнулся Мережко. – Дождь начинается, я же не вижу ни хрена.

Взрыва народного гнева удалось избежать. Под душераздирающий скрип они выехали из города и взяли курс на Глухов. Двадцать две версты – не так уж много в сравнении с бескрайними пространствами этой планеты.

Дождь прекратился как по заказу. Мережко выключил стеклоочистители, и все облегченно вздохнули. Разошлась печка, стало жарко. Люди расслаблялись, расстегивались.

Асфальтовое покрытие сделалось каким-то условным. Впрочем, для джипов это роли не играло, они уверенно проходили неровности.

Первая машина в колонне задавала неплохой темп. Видимо, парни из разведки куда-то спешили. Банковская машина не отставала, исправно окутывала зловонным дымом внедорожник, замыкающий небольшую колонну. Мережко сохранял дистанцию метров в тридцать.

Промелькнул пост – небольшой грузовик с зачехленным кузовом, костер на обочине. Ополченцы кутались в бушлаты и дождевики. Они не стали останавливать машины, видимо, получили указание на сей счет.

Прогремели мостки. Это была переправа через шустрюю речку Уклею, имеющую вредную привычку после таяния снегов превращаться в полноводный, опасный для жизни поток.

Дальше пошли холмы, голые, глинистые, с островками кустарника, еще унизированного жухлой листвой. Дорога петляла между ними. Невдалеке промелькнуло озеро. Вокруг него теснились камни, комья застывшей глины.

Дорога опускалась в низину. Эта местность называлась Собачьей балкой. Откуда пошло такое название, никто не знал. Оно передавалось из поколения в поколение. Слева и справа глухой ивняк. Почвы здесь болотистые, в летнее время зверствуют комары и мошка. Еще двести метров, и дорога пойдет вверх.

Тут-то капитан и уловил краем глаза вспышку слева. Все, приехали.

Местность для засады была выбрана идеально. Заболоченная низина, плотный ивняк, звуки глохнут.

Это был выстрел из противотанкового гранатомета. Треснуло напористо, искрометно, пламя рвануло в небо. Передовой внедорожник развалился в буквальном смысле. Искореженная машина переломилась. Кузов сложился как гармошка, жадно загорелся. У пассажиров просто не было возможности что-то предпринять.

Водитель банковской машины не успел затормозить, въехал в горящий внедорожник. В нем истошно кричали люди. Водитель судорожно сдавал назад. Но из засады продолжали стрелять – грохотал пулемет.

– Тормози! – проорал Алексей каким-то диким, неузнаваемым голосом и затрясся в кашле.

Мережко пусть с запозданием, но выжал нужную педаль. Заскрипели тормоза, машина встала. Орала спецназовцы, покидая салон.

Огонь из засады был перенесен на них. Пули рвали кузов внедорожника, били стекла. Трясся Мережко, не успевший схватиться за автомат.

Алексей выпал через правую дверь, покотился под откос, передергивая затвор. Следом за ним с заднего сиденья вывалился Колесник. Изуродованный корпус внедорожника прикрывал их.

Вовремя, черт возьми! Пули рвали обшивку сиденья, с которого только что слетел капитан. Орал от отчаяния Колесник, рвал заклинивший затвор. Кровь стекала с его головы, окрашивала бороду. Они куда-то катились, ползли.

Голова Алексея соображала очень туго. Он привстал, выпустил из-за капота очередь по кустарнику. Взлетел Колесник, сделал то же самое, сопровождая пальбу нечеловеческим воем. Но из кустов их продолжали методично расстреливать.

Жлобин еще был жив. Пуля попала ему в ногу, другая – в бронезилет. Покинуть машину через левую дверь было равносильно самоубийству. Он лез через правую, тяжело дышал, обливался потом. В глазах застыла звериная тоска.

Алексей кинулся его вытаскивать, подхватил под мышки. Ураган свинца вздыбил останки внедорожника. Удар в грудь отшвырнул его, дыхание перехватило. Он пытался подняться, отыскал автомат. Перед глазами все плясало, теряло резкость. Шквал огня кромсал внедорожник, превращая его в гору металлолома. По телу расползалось онемение. Но конечности худо-бедно слушались.

Кричал Колесник, припав к заднему бамперу. Весь окровавленный, он продолжал вести огонь. Творилось что-то запредельное.

Алексей поднялся, выпустил остатки магазина, снова рухнул, пополз к товарищу, схватил его сзади за куртку.

– Серега, уходим, в кусты, живо.

Возможно, ему только казалось, что он кричит.

Колесник повернул к нему орущую физиономию. Алексей отшатнулся. Все лицо товарища было залито кровью, он не мог ничего видеть, стрелял вслепую. Капитан обхватил его

сзади, поволок в кювет, продолжая кричать, чтобы понял, вернулся на землю. В принципе, кустарник рядом, там обрыв, овраг, болото.

Но кто-то из этих наглецов, напавших на машины, продвинулся дальше вдоль дороги и выстрелил по касательной из гранатомета. Взрыв прогремел в нескольких метрах, разнес обочину. От грохота заложило уши.

Жизнь еще теплилась в капитане спецназа. Он лежал на боку, засыпанный землей, с открытыми глазами, которые ни черта не видели. От сознания уцелела только кроха. Угомонился пульс. Алексей был наполовину трупом.

Стрельба оборвалась так же внезапно, как началась. Чавкала грязь под подошвами, позвякивал металл. Подходили люди, кто-то покашливал. Заскрипела дверца машины под ударом ноги и обрушилась. Засмеялся какой-то мужчина.

Кто-то прохаживался неподалеку. Прогремели два выстрела. Бандиты добились раненого парня в банковской машине.

Глухо, как из-под перевернутого ведра, доносились голоса:

– Ну и что у вас там?

– Все чисто. Отпрыгались, суки.

– Проверь, там все упокоены? Особенно вон тот, который у них за старшего.

Грязь зачавкала совсем рядом. Кто-то подошел к Алексею, пихнул его в плечо носком ботинка. Он перевернулся на спину, глаза оставались наполовину открытыми.

– Что там?

– Дерьмо натуральное. У него весь череп в мозгах. Жалкое зрелище, командир.

Переводить патроны на него эти поганцы не стали. Он слышал через ватное облако, как заводился мотор. Люди говорили по-русски, с южным акцентом. Зарычал двигатель, окутывая низину дополнительным смрадом. Машина удалялась.

Сознание капитана едва ворочалось. Он попытался открыть глаза, засыпанные глиной. Зрение включилось странным образом. Серое небо, висящее над головой, стремительно упало, погребло человека под собой. Он лишился чувств, оборвалась связь с внешним миром.

Оставались видения, явно пришедшие из потустороннего мира. Покореженные, слипшиеся в жутком столкновении машины. Но другие. Водитель грузовика потерял управление на скользкой дороге, выехал на встречу и врезался в седан, который шел без превышения допустимой скорости. Обе машины развернуло.

Все бы ничего, не таким уж страшным был этот удар. Но неустойчивая фура перевернулась, превратила в лепешку заднюю часть седана.

Алексей полз на коленях, давился слезами, обливался кровью, пытался забраться в сплюснутый салон, рвал лицо и руки об острые края металла. За кадром кто-то плакал, шумели люди, останавливались проезжающие машины. Его оттаскивали за шиворот. Мужской голос надрывно кричал, что разлилось топливо, надо уходить, сейчас рванет. А он бросился обратно, потому что увидел в перекрестках искореженного металла окровавленную детскую руку.

Алексей постепенно приходил в себя, его чувства пробуждались. Сначала он услышал ветер, верховой, дувший далеко, за пределами низины. Он рокотал с угрозой, затихал, снова ярился. Потом капитан почувствовал холод от земли и боль везде, во всем теле.

Серое небо оплетало его, словно туман. Он не мог по-настоящему очнуться, плавал в пограничной хмари между мирами и еще не определился, какой из них лучше. Раздался толчок под черепной коробкой. Мол, позорище, Алексей Петрович. Вы почему такой нежизнеспособный?

Капитан поднялся на колени, ощупал голову. Пальцы его слиплись в какой-то слизи. Он действительно был весь заляпан мозгами, но чужими.

Память возвращалась к нему. Алексей тащил Колесника, обняв его сзади. Видимо, пуля попала товарищу в голову. Из выходного отверстия кое-что брызнуло на Корнилова. Это его и спасло. Противники посчитали капитана мертвецом с раскоренным черепом.

Ноги Алексея подкашивались, но он не падал, бродил сомнамбулой. По странному стечению обстоятельств капитан не был ранен. Пуля попала в бронежилет. Под местом удара набухал синяк, боль от него расползлась по всему телу. Еще этот взрыв под носом. Контузило крепко. У Корнилова не проходило ощущение, что на него водрузили чужую голову.

Внедорожник превратился в груды металла. Старший лейтенант Мережко не успел выбраться из-за руля, сидел, откинув голову, демонстрируя зубы цвета ржавой осени. Он принял на себя какое-то невозможное количество свинца. Не только тело, но и бронежилет превратился в лохмотья.

Жлобин тоже не смог выбраться из машины, лежал на заднем сиденье животом вниз. Руки и голова свисали до земли. В затылке чернело отверстие, под ним блестела лужа.

Колесников, посеченный осколками гранаты, лежал в кювете. Борода стояла колом от запекшейся крови, поблескивали мертвые глаза.

Банковскую машину террористы угнали отсюда. На ее месте валялись тела. Этих ребят в камуфляже без знаков различия он недавно видел. Один был шофером, другие грузили в машину мешки, а потом сели сами. Двоих застрелили в голову, третьего исполосовали свинцом вдоль и поперек.

Помощь пришла, когда Алексей валялся на дороге. Он едва слышал голоса, гул моторов. Видимо, в Глухове забеспокоились, куда подевался конвой, сообщили в Калашовку. Пока прибыла спасательная команда, прошла еще уйма времени.

Матерились потрясенные ополченцы, не замолкали их рации.

Гаспарян хромал, выражался заковыристыми оборотами, хватался за голову, звал людей с носилками.

Алексей отмахивался, сам куда-то брел. Оказалось, что не туда. Его поддерживали, придавали нужный курс.

– Со мной все в порядке, – пробормотал он. – Я не ранен, просто устал чего-то.

Капитана запикивали в «Скорую помощь», он сопротивлялся. Кто-то пошутил, мол, будешь брыкаться, пойдешь в машину из морга. Там еще есть места.

Он очнулся в больничной палате районного госпиталя. Вокруг колдовали смутные личности в белых халатах, перевязывали, вонзали иглы под кожу. Заботливая медсестра омывала его мокрым полотенцем. К похоронам готовила? Но шутки не шли. Алексей даже не пытался, снова провалился в беспамятство.

Очнувшись, он узрел перед собой бледную физиономию Гаспаряна. Тот вился кругами вокруг кровати, рычал на медсестру, говорил, что это его командир, и он никуда не уйдет. Палатку здесь поставит.

Алексей попытался подняться, но не смог. Кружилась голова. Кровь отливала от тела и пропадала неизвестно куда.

– Ну уж хренушки! – Гаспарян метнулся к нему, успел поддержать. – Лежи и не дергайся, командир! Ты вообще видел себя в зеркало?

– Как твоя нога, Рудик? – прошептал Алексей.

– Да к черту ее. Лучше уже, хожу без костыля, но пока болит, сволочь. Ты-то как?

– Счастливый ты парень, Гаспарян, – пробормотал Алексей, борясь с очередным приступом головокружения. – Радуйся, что мы тебя с собой не взяли. Валялся бы сейчас в морге.

– Спасибо, командир. Ты думаешь, я очень счастлив? Все погибли, а я тут прыгаю перед тобой, яблоками трясусь.

– Извини, не слушай меня.

Гаспарян расплзлся, пропал. Его возмущенный голос стих.

Над страдальцем наклонялась озабоченная Вера Александровна, проверяла температуру, гладила по голове. Она оставалась расплывчатым пятном – нерезкое лицо с перепуганными глазами, больничный халат, пакет с продуктами, который постоянно сваливался с ее колен.

– Господи, милый, что случилось? – Она от волнения заикалась. – Сообщили поздно. Ведь сегодня похороны, все там, на митинге. Былинский и весь штаб. Господи, а тут опять такая трагедия. Как ты чувствуешь себя, Алексей?

– Все хорошо, не волнуйся, я цел. Нашли кого-нибудь? Организовали поиск?

– Милый, я не знаю. Былинский снова рвет и мечет. Несколько подразделений брошены на поиски террористов, заблокированы дороги, ведущие на запад. Не думай пока об этом, отдыхай, слушайся врачей. Боже мой, как я счастлива, что ты жив. Все, милый, я должна бежать, загляну еще. – Она запечатлела на его синих губах страстный поцелуй.

Окружающие лица менялись как в калейдоскопе. Теперь над душой Корнилова висели двое – бледный как полотно начальник штаба Былинский, с ним широколицый офицер с поджатыми губами. Алексей уже сносно себя чувствовал, пытался присесть, кривился, гримасничал.

– Ага, ты еще честь отдай, – прошипел Былинский. – Строевым шагом пройдишь до окна и обратно. Это майор Иваненко из штаба корпуса. Его люди сейчас рыщут по нашим лесам. Соболезную, капитан, ты потерял своих людей. Это невосполнимая утрата. Мы отомстим за них. Вспомни, что произошло? Ты видел их лица, слышал разговоры? Помнишь обстоятельства, при которых все происходило? – Подполковник нервничал, не мог найти себе места, насилие справлялся со злобой и растерянностью.

Алексея Никифоровича можно было понять. Все беды, случившиеся за эти дни, лично для него были как тапочка для таракана.

Теперь капитан вспомнил все. Он описывал события тихим голосом – никаких эмоций и переживаний, только факты. Корнилов не собирался плакать перед этими людьми. Лиц нападавших он не видел, слышал голоса, даже помнил, как они шутили. Общались по-русски, но это не значило ровным счетом ничего.

Майор из штаба, надменно выпячивая губу, что-то записывал в блокнот.

– Я так понимаю, диверсантов не поймали, деньги не вернули, – прошептал Алексей, откидывая голову.

– Вы удивительно догадливы, капитан, – сухо отозвался майор, пряча блокнот в нагрудный карман. – У диверсантов имелся солидный запас времени. Место для засады они подобрали грамотно, четко знали, что пойдет колонна из банка. К вашей чести могу сказать, что вы действительно оказывали сопротивление и даже ранили одного из нападавших. Его добились свои, в тех же кустах, чтобы не мешал. Лет тридцати, без особых примет, славянский тип лица, русые волосы. Никаких документов при себе у него, разумеется, не было. Ни денег, ни телефона, ничего, что могло бы помочь следствию. Фото мертвеца отправили в Донецк и в Москву. Возможно, этот тип где-то засветился. Хотя это не столь важно. Еще одна диверсионная группа, получавшая информацию от каких-то здешних ответственных лиц, военных либо гражданских. Знали заранее, подготовились.

– Сумма-то несерьезная, – проворчал Былинский.

– Не знаю, товарищ подполковник. Что везли на самом деле – неизвестно. У банков свои тайны. Но даже официально озвученная сумма – это месячная зарплата работников оборонного предприятия, и не только. Пока еще не все в нашей республике согласны работать за идею.

– Банковская машина не иголка, – прошептал Алексей.

– Согласен, – сказал майор. – Эту «не иголку» мы нашли в девяти километрах к юго-западу от места нападения. Она была брошена недалеко от лесной дороги, наспех замаскирована ветками. Денежных мешков в ней, понятно, не было. Диверсанты поставили растяжку, но

этот сюрприз наши люди заметили. Прошел дождь, дорогу размыло. Мы не знаем, на каком транспорте уехали диверсанты. Все тропы до линии разграничения перекрыты. Но пока ничего нет. Добычу они могут припрятать, потом разделиться.

Алексей вовсе не был уверен в том, что имел дело с украинскими диверсантами, но не стал озвучивать свои соображения.

– Всего доброго, капитан. Оставляем вас долечиваться. Мы с вами еще увидимся, – проговорил майор и был таков вместе с Былинским.

Больше в палату никто не заходил, за исключением медсестры, сделавшей герою обезболивающий укол. Девчушка смотрела на него печально, и ему от этого взгляда стало не по себе. Сон накатывался волнами, хорошо хоть, что без пены, и он позволил себе ненадолго уснуть.

Но его сны всегда превращались в неодолимые кошмары. А теперь и подавно. Погибшие парни уходили в закат. Это были бойцы из его группы, безымянные инкассаторы, парни из разведки, которых он даже не знал. Они шли медленно, неохотно, часто оглядывались.

Так что с отдыхом у Алексея не очень сложилось. Его душили злость, безысходность. Наступал вечер, за окном темнело.

Заглянула медсестра, предложила ужин. Он решительно отказался, попросил больше не тревожить.

Капитан лежал в дальнем крыле районной больницы, в одноместной палате. Почему, собственно? Не столь он важная птица. За что такая честь?

Иногда в коридоре раздавались голоса, кто-то стонал за стенкой. К десяти часам вечера больница затихла. В коридоре горел тусклый дежурный свет. В палате – ночник над головой.

Алексей сполз с кровати, сделал несколько неустойчивых шагов. Земля едва держала его. Каждый шаг следовало выверять. Ныло все, от макушки до кончиков пальцев на ногах. Болели ребра.

Он добрался до окна, держась за стенку, отогнул занавеску. Задний двор больницы не освещался.

Капитан доковылял до шкафа-пенала, вытащил гору одежды, бросил на кровать. Порылся внизу, отыскал свои ботинки, украшенные грязью и разводами крови. Бронежилета, амуниции с оружием, естественно, не было. Все убыло в неизвестном направлении.

Алексей стащил больничные штаны и принялся облачаться в свое. Куртку, измазанную кровью, он оставил персоналу – на бедность. Ничего, дойдет по холодку.

Капитан прислушался к ощущениям в организме. Все работало, пусть и с перебоями. Прежде чем выйти из палаты, он глянул на себя в зеркало. Опухший, снулый, с отрастающей щетиной, которую уже можно использовать в качестве массажера. Глаза, запавшие в черепную коробку, окружали черные круги, следствие сотрясения мозга.

Алексей невольно поморщился, ну и рожа у вас, гражданин. По какой статье сидели?

В коридоре никого не было. А ведь отцы-командиры могли бы посадить тут пару автоматчиков для охраны особо ценного пациента.

Корнилов глянул на часы. Половина одиннадцатого, ночь на пороге.

Шаги давались ему с трудом, в голове взрывались кумулятивные заряды. Он добрал до лестницы в конце крыла, передохнул, начал спускаться. На середине марша Алексею пришлось повторить привал.

Он на цыпочках прошел через холл, где дремала дежурная. Женщина не проснулась, намаялась за день. Заскрипела дверь, но это уже мало волновало его.

Капитан просочился в тамбур и выбрался на улицу. Там стояли машины «Скорой помощи». Курили люди.

Кто-то бросил ему в спину:

– Мужчина, вы откуда и куда?

Он отмахнулся и зашагал по дорожке, стараясь не шататься. Никто не гнался за ним. Это не тюрьма, не психбольница.

За решетчатыми воротами прохаживался часовой. Он остановил Алексея, осветил его лицо фонарем, смутился.

– Товарищ капитан... а куда вы идете?

– А ты что, тут двойную сплошную нарисовал? Успокойся, все нормально, – бросил Корнилов через плечо, ковыляя прочь. – Главврач отпустил в связи с полным скоропостижным выздоровлением.

Городок будто вымер. Даже патрули пропали, хотя в связи с последними событиями должны были бы бродить по улицам с интервалом в пятьдесят метров. Алексей брел словно пьяный, по пути отдышался, обняв фонарный столб.

Может, не все так плохо и тревожными предчувствиями можно пренебречь? Работа такая, вот и мерещится всякая хрень.

Капитан погрузился в переплетение переулков и через двадцать минут вышел к съемной хате. Начавшийся дождь усилился. В округе было тихо, спали люди, не брехали собаки. Только тугие капли молотили по жестяной крыше сарая, стоявшего на соседнем участке.

Алексей пробрался через калитку, отыскал под крыльцом запасной ключ, проник в дом. Электричества не было. Обычная история. Снова авария либо руководство ТЭС решило сэкономить.

Капитан нашарил в серванте свечку, зажег ее и заглянул во все укромные уголки так, словно очищал их от нечистой силы. Посторонние личности сюда не заходили. Но понятие «Мой дом – моя крепость» уже не работало.

Алексей прислушался. Все тихо, только дождь стучал по стеклам, пытался что-то сказать.

Он успокоился, сказал себе, что все ужасное уже случилось, вооружился стамеской, принялся отдиравать плинтус в углу. Капитан приподнял его, затем и пару половиц, вытащил тряпочный сверток, размотал. Внутри находились телефон-книжка и компактный шестизарядный браунинг на всякий пожарный случай.

Алексей положил пистолет на тумбочку рядом с кроватью, повертел телефон, раскрыл. Эту миниатюрную штуку можно было не заряжать две недели. Качество литиевой батареи заслуживало всяческих похвал. Капитан набрал номер, но ответа не дождался.

«Все нормально, это ничего не значит, – умирал он разгулявшиеся нервы. – У этого человека всегда есть миллион причин, по которым он не может ответить».

Алексей порылся в холодильнике, покромсал ножом сморщенную колбасу, заставил себя съесть несколько кусков. Потом он не выдержал и снова схватил телефон. Абонент опять не отвечал.

«Всему есть объяснение. Мой абонент ведь тоже живой человек. Надо успокоиться. Утро вечера мудренее», – сказал себе капитан.

В доме было холодно, но топить печку ему не хотелось. Он поставил кастрюлю с водой на газовую плиту, помылся за загородкой в углу сеней. Капитан оделся в чистое, трясаясь от холода, занялся разогревающими упражнениями. Потом его рвало, подкашивались ноги. Он дополз до койки, укутался в ватник, который стащил с вешалки.

Тоска теснилась у горла. Не было сил, чтобы сделать что-то нужное. Да и что он мог?

Единственный человек на свете, которому Корнилов мог доверять, не отвечал на звонки. Вера обещала прийти в больницу и не появилась. Или она приходила, но он уже покинул это богоугодное заведение.

Ее можно понять. Она задавлена делами, сбесившимся начальством, человеческим горем, которого в городке сегодня выше головы. Сама, наверное, с трудом переставляет ноги! А позвонить не может – телефон Корнилова вышел из строя.

«Завтра все будет нормально, войдет в ритм, – снова успокаивал он себя. – Ночные демоны потопчутся и к утру рассосутся. Приедут люди из больницы, силой заставят вернуться и долечиваться. Былинский будет рычать, его подчиненные – тупо помалкивать, а город – готовиться к новым похоронам».

Глава 4

Он забылся беспокойным сном и очнулся от звука двигателя. По переулку шла машина. Алексей распахнул глаза, прислушался. Да, так оно и есть.

Без паники, офицер!

Он слез с кровати, доковылял до окна, отогнул занавеску. В принципе, этот старенький микроавтобус вполне мог проехать мимо. В частном секторе живут и другие люди.

Но машина встала у его калитки. Горели фары, работал двигатель. Из штаба, наверное, прислали. Возникло какое-то срочное дело, а дозвониться до капитана Корнилова сегодня невозможно в связи с утратой телефона.

Вышли двое, перекинулись парой слов с третьим, оставшимся в машине. Черный ворон? Как-то странно, но эта мысль не показалась ему юмористической. Что ж ты вьешься, скотина?

Мужчины, не скрываясь, прошли через калитку, вытерли ноги о решетку перед крыльцом. Поднялись, постучали вполне спокойно, не пинали дверь, не дубасили кулаками. Они выждали немного, снова постучали.

За это время Алексей успел натянуть штаны и сунуть под половицу пистолет с телефоном. Хранить молчание было глупо. Он не преступник.

Капитан открыл, не задавая глупых вопросов, нажал на кнопку выключателя, чтобы осветилось крыльцо. За порогом стояли офицеры в опрятном камуфляже. Один с бородой, другой чисто выбрит. У первого кобура на ремне, у второго десантный АКС за плечом. Нашивки с трехцветным флагом Донецкой республики.

Алексей невольно усмехнулся. Было бы странно видеть здесь другие нашивки. Например, желто-голубые.

– Капитан Корнилов? – поинтересовался бородач. – Алексей Петрович?

– Да. – Алексей подавил кашель, пробуждающийся в горле.

– Прошу прощения за поздний визит. Вас искали в больнице, но вы сбежали оттуда. Я старший лейтенант Кулигин. У нас приказ доставить вас на запасной командный пункт в Славгород.

– По поводу?.. – не понял Алексей.

– Это вне нашей компетенции, простите. – Кулигин пожал плечами. – Мы выполняем приказ полковника Старостина. Машина ждет, Алексей Петрович. Вы должны немедленно отправиться с нами.

Этот парень был вежлив и обходителен. Из таких лишнего не вытянешь. Видимо, они курсы уклончивых ответов оканчивают. Второй помалкивал, как бы невзначай поглядывал на часы.

– Полковник Старостин не в курсе, что произошло вчера утром? – на всякий случай спросил Алексей.

– В курсе, – ответил Кулигин. – Думаю, с этими событиями и связано ночное совещание. Полковнику известно, что вы выжили и даже не ранены. Собирайтесь, Алексей Петрович. Мы подождем у машины, не будем вас смущать.

– Документы покажите.

Кулигин словно ожидал этого, сунул ему под нос потертое удостоверение. В тусклом свете прорисовалась круглая печать, очертания лица. Он и на фото был с бородой.

Что Алексей хотел увидеть в этом свете? Документы подлинные, кто бы сомневался.

– Хорошо, ждите.

Капитан прикрыл дверь и лихорадочно размышлял. Да, дело плохо. Он очень слаб, болен, пережил контузию и сотрясение мозга. Его место в больнице. Ведь Старостин в курсе. Двух небитых предложит за одного битого? Но не пускаться же в бега на ночь глядя.

Он оделся, посмотрел в окно. Офицеры курили возле машины. Их силуэты очерчивались в ночном воздухе. Поблескивали огоньки сигарет, голубоватые экраны смартфонов.

Он вынул из-под половицы телефон, набрал тот же номер с тем же результатом. Бред какой-то! Ладно, бывало и хуже.

Алексей сунул аппарат обратно в тайник, обулся, застегнул форменную куртку без знаков различия. Вышел, запер на ключ входную дверь.

Кулигин посторонился, пропуская его в салон. Он скрывал раздражение медлительностью капитана, но оно проявлялось в дыхании, в резких движениях.

Впереди сидели водитель и еще один тип. Алексей пристроился у окна напротив входа, мысленно отметил задернутые шторы. Офицеры влезли за ним, сели напротив, спинами к водителю. Личное пространство не нарушалось. Расстояние между сиденьями было приличным.

Все молчали. Света в салоне не было. Мглистое мерцание просачивалось через занавески, позволяло различать силуэты людей и сидений.

Несколько минут водитель выбирался задним ходом из переулка, цепляя ветки кустарников, торчащие из оград. На дороге он развернулся и поехал неспешно, берег разболтанную ходовую часть. Кряхтел изношенный двигатель.

Зевнул коллега Кулигина, звякнула антабка автомата. Снова тишина, навевающая странные мысли.

Алексей закрыл глаза, сделал попытку абстрагироваться. Интересно, вернут его обратно, или на попутках придется добираться?

Несколько раз машина сворачивала, тряслась на ухабах. Судя по времени, они проехали центр, свернули на улицу Тепличную, идущую к северо-восточным предместьям.

Остановка на посту. Патрульные разбирались с документами и целью поездки. Кулигин отвечал раздраженно, торопил. Все оказалось в порядке. В салон бойцы заглядывать не стали.

Снова тряска, развилка на выезде из городка. Алексей сунул руки в карманы куртки, устроился поудобнее, закрыл глаза. И вдруг неприятный холодок заскользил по позвоночнику. Машина круто поворачивала, преодолевая кольцевую развязку. Славгород справа, почему водила повернул в другую сторону? Не знает, куда ехать? За поворотом водитель переключил передачу, прибавил скорость.

Алексей отогнул шторку, глянул в окно и увидел лес. Ехали бы они в Славгород, за обочиной простиралось бы поле. Двое напротив напряглись, не сводили с него глаз. Водитель уверенно вел машину на запад, где не было ничего, кроме линии фронта, протянувшейся в семидесяти километрах отсюда.

– Объяснитесь, товарищи офицеры, – глухо проговорил Алексей, сжал кулак, но среагировать не успел.

Удар тупым металлическим предметом, как пишут должностные лица в протоколах, поразил висок. В голове все спуталось, перемешалось. Он ударился об оконную раму левым виском, отлетел от нее, повалился на пол между сиденьями.

По идее Алексей должен был умереть. Нормальный человек не выдержит такие ежедневные перегрузки. Но он жил, даже сознание изредка просыпалось.

Машина шла по безлюдной лесистой местности. Впрочем, недолго. Пересечь линию фронта за столь короткое время она бы не успела.

Корнилов лежал на грязном полу, боролся с забывьем, пытался родить идею через режущую головную боль. А точно ли эти парни ополченцы? Самое удивительное, что они могли ими быть. Но на кого работали и какие цели преследовали?

Кто-то усердно сопел, опутывая ему веревкой руки за спиной. Видимо, спешил, завязал не очень добротнo, да и в качестве «перевязочного материала» использовал то, что имел под рукой. Капитан не мог сопротивляться. Силы небесные были явно не с ним.

Его вытащили из машины, поволокли, держа под мышки. Шел дождь. Он успел разглядеть дощатый забор, озаренный светом фар, кустарник на опушке леса, несколько деревьев, поваленных бурей. Стена здания плясала перед глазами. Ее пересекала внушительная трещина.

Его втащили на крыльцо, рывком перетянули через порожек. С ноги пленника свалился ботинок. Ступня ударилась обо что-то, и острая боль пронзила шиколотку. Благодаря ей в голове Алексея ненадолго воцарилась ясность. Его заволокли в узкий коридор и бросили на пол.

– Пиццу заказывали? – глухо осведомился Кулигин и куда-то испарился вместе со всеми прочими.

Из-за стенки слышались голоса. Пленник никуда не денется. Не смотреть же за ним постоянно.

Он собрал себя в кучку, стиснул зубы, прикусил язык едва ли не до крови. Смириться с этим нельзя, надо сопротивляться. Алексея спасали здоровый организм и тренированная воля.

Он перевернулся на бок, стал осматриваться. Облупленные стены, когда-то крашенные в салатный цвет, узкий коридор. На потолке болталась лампочка, вкрученная в заплесневелый цоколь.

Веревки действительно были завязаны впопыхах. Он мог распутаться. Алексей усердно работал пальцами, выгибал кисти до боли в запястьях, теребил узел, отыскал конец веревки, стал вытаскивать его из петель.

За стенкой бубнили люди, пару раз кто-то засмеялся. Потом к дому подъехала машина. Дьявол!..

Злость душила Алексея, от напряжения кружилась голова. Разноцветные звезды вспыхивали перед глазами. Он уже почти развязался, судорожно разматывал веревки, опутавшие запястья.

Хлопнула входная дверь, раздались шаги в коридоре. Корнилов выдохнул, перевернулся на спину, застыл с закрытыми глазами. Кто-то стоял над ним и разглядывал.

Он открыл глаза. Ему понадобилось время, чтобы сконцентрировать взгляд. Алексей не сразу понял, что знал этого человека. Даже хуже. Сей лыбящийся тип был одним из его бойцов!

– Привет, командир, – вкрадчиво поздоровался лейтенант спецназа Рудик Гаспарян. – Ты как? Тебе удобно? Отдохнул от ратных подвигов?

«Может, это всего лишь проверка на вшивость? – мелькнула глупая мысль. – Нет, слишком серьезно и болезненно все выглядит».

– Да, мне удобно, – прошептал он. – Здесь хорошо мечтается.

– Что, прости? Плохо тебя слышу, – Гаспарян нагнулся.

Улыбка продолжала растягивать его тонкие губы.

Тут кто-то позвал его из глубин коридора.

– Подожди, командир, я сейчас вернусь. Не уходи никуда, ладно? – Рудик начал пятиться, потом отвернулся и исчез за углом.

Гаспарян не хромал, а по идее должен был.

«Как же мощно меня обводят вокруг пальца, черт побери», – подумал пленник.

Он снова извивался, разматывал веревку, обливался потом, едва не терял сознание.

– А вот и я. – Гаспарян вернулся. – Извини, отвлек один тип. – Он опустился на корточки и начал разглядывать командира с каким-то странным ироничным любопытством. – Эй, ты здесь, капитан? Узнаешь меня? Это я, твой лучший друг. Я предаю тебя последним. – Рудик засмеялся, чрезвычайно довольный своим остроумием.

– Гаспарян, ты что тут делаешь? – выдавил из себя Алексей. – Ты должен находиться в части.

– Да ладно, командир, к чему условности. Пятнадцать верст до части, вернусь до рассвета, совру что-нибудь. Не волнуйся, ты скоро тоже поедешь. Лишь дождемся людей для прикрытия. В другую сторону двинешься, туда, где торжествуют цивилизация и демократические ценности. Прости, что расстроил тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.